

Александр Чернов

Смертные грешники

Отъезд

В жизни каждого человека бывает череда счастливых дней. У кого-то она короче, у кого-то длиннее. У школьников, например, три месяца, у студентов — два, у рабочих и служащих — двадцать восемь дней, у кого-то — по две недели два раза в год. А у учителей вон пятьдесят шесть календарных дней, причем в самое теплое время года — летом. Наверняка понятно, о чем идет речь — об отпуске. У меня же — сорок два дня, и тоже летом. Потому что я хоть и не учитель, но тренер по борьбе в детской юношеской спортивной школе, каким-то образом и мы принадлежим к педагогическому составу. Мне, конечно, можно отпуск брать частями в течение года, но я предпочитаю отдыхать все сорок два дня летом.

Во время отпуска я езжу один, а то и два раза по путевке, благо количество отпускных дней позволяет совершать такие продолжительные туры, моя тренерская зарплата терпит, да и жена не возражает по той простой причине, что ее у меня нет. Холостой я. Но, сколько бы поездок у меня за год ни состоялось, один раз я обязательно должен

побывать у моря, потому что в молодости из-за перетренировок возникли проблемы с позвоночником, и я вынужден был уйти из большого спорта на тренерскую работу. В общем-то, я еще не старый, мне всего лишь тридцать пять, но для действующего спортсмена, конечно, староват, хотя бывает, что и моих лет уникамы поднимаются в спортивной карьере до больших высот. Но я звезд с неба не хватал, был чемпионом города и области по вольной борьбе и к олимпийским медалям не рвался. Вот не рвался, а проблемы с позвоночником на всю жизнь заработал. Поэтому, если я раз в год побываю на море, поваляюсь на горячем песочке, пожарюсь на солнышке и поплаваю в ласковом море, эти процедуры благотворно влияют на мой, как сухо и некрасиво говорят медики, опорно-двигательный аппарат. И потом в течение года чувствую себя если не превосходно, то вполне сносно.

Куда именно ехать, для меня разницы нет, хоть в Турцию, хоть в Египет, хоть в Таиланд — я не собираюсь осматривать исторические места, у меня иная цель — пляжный отдых. А когда еду в отпуск во второй раз, то выбираю тур экскурсионный и мотаюсь по миру с познавательной целью. Вот и сейчас я приобрел десятидневную путевку в Турцию в пятизвездочный отель «Чок Яша», что

располагается на берегу Средиземного моря.

Обычно я езжу к морю один: с приятелем потащишься, все десять дней пропьянствуешь и моря не увидишь, да и не люблю я с мужиком в одном номере жить — с тех самых пор, как, будучи действующим спортсменом, мотался по сборам да по соревнованиям и спал рядом с потными вонючими храпящими спортсменами в одном номере, а то дрых с ними вповалку чуть ли не в казарме. А женщину из Москвы с собой тащить смысла нет. Там этих дам полное море в прямом и переносном смысле — выбирай, не хочу. Но номер я беру double use single, иными словами, двухместный, который используется как одноместный. Беру на тот случай, если какая-нибудь из новых курортных знакомых захочет провести ночь в одной со мной комнате на соседней кровати. И такие, надо сказать, находятся, и тогда мы с ней пьем кока-колу, смотрим телевизор, а когда передачи заканчиваются, ложимся на соседние кровати и всю ночь напролет говорим о политике. Если же на курорте для меня не находится, я не буду говорить достойная, потому что не такого уж я высокого о себе мнения, а просто интересная женщина, я не расстраиваюсь, потому что долгие бессонные ночи, проходящие в утомительных беседах о политике, на пользу моему здоровью не идут, отвлекают от полноценного

отдыха у моря. Я потом весь день квелый хожу и на ходу засыпаю. Так что, если в течение десяти дней соседняя кровать в номере окажется пуста, меня не особо огорчит — силы для плавания сберегу.

Вещей я беру с собой минимум, я не барышня нарядами щеголять — побросал в чемодан бритвенные принадлежности, шорты с майкой, белые брюки, льняную рубашку, носки и туфли. В дорогу же надел немаркие вещи — темные джинсы, мокасины и темную футболку. Неизвестно, как полет пройдет, задержат на несколько часов рейс, будешь в аэропорту на полу валяться и в белых шмотках перепачкаешься весь как поросенок.

Перед тем как выехать из дому, я сходил в гараж, проверил свой старенький «БМВ», хотя чего его проверять-то, что с ним в гараже будет? Но все-таки от аккумулятора отсоединил, мало ли что может произойти, зачем держать под напряжением всю электрическую цепь автомобиля.

Обычно в Москве как говорят: хочешь доехать быстро, поезжай на метро. Или на электричке, хотя как сказать, недавно вон на Каширке грузовик в опору моста врезался, мост просел, и все Павелецкое направление парализовало — ни электрички толком не ходили, ни аэроэкспрессы. У таксистов в тот день выручка хорошая была, такса до небес взлетела. Но я на всякий случай выехал из дому с большим запасом

времени до отлета самолета. Спасибо работникам метрополитена — до станции «Белорусской» довели без приключений. Не подкачали и железнодорожники — аэроэкспресс подали к платформе вовремя. Путь до Шереметьева нигде, к счастью, не был поврежден, потому тронулись от платформы без задержек и проволочек.

Хороший поезд, комфортабельный, дороговато, правда, за проезд взимают, но за кондиционированный воздух и сервис — шатающихся с тележками по проходам стюардов со всякой снедью и в фирменной униформе — платить надо. Я расположился в удобном кресле, закинув ногу на ногу, и время от времени поглядывал на сидевших ко мне лицом наискосок через проход двух женщин. Одной было лет двадцать пять, другой — лет на десять больше. Обе по-своему хороши. Та, что постарше, — длинноволосая блондинка с холодным надменным лицом с угонченными чертами, словно они были прорисованы остро заточенным карандашом художника. Одета она была в летнее синее платье, открывающее чуть выше коленей сильные стройные ноги. Другая — с пышными ниже плеч черными волосами с синеватым отливом и красивым лицом с большими темными глазами, чуть выпирающими скулами, мягкими сочными губами, нежным овалом подбородка. Нос у нее был

чуть-чуть вздернут, но это нисколько девицу не портило, наоборот, придавало лицу некий озорной вид и миловидность. Девица была невысокой, с ладной спортивной фигурой, одетая в джинсы, топик и летние туфельки. Обе женщины, как я уже говорил, были чудо как хороши, но если бы мне предложили поговорить с ними ночью в номере о политике, я бы предпочел поговорить с брюнеткой.

Вообще-то я больше на блондинок западаю, но эта девица с волосами цвета воронова крыла произвела на меня неизгладимое впечатление. Бывают женщины, в присутствии которых испытываешь волнение, и взгляд сам собой, будто намагниченный, притягивается к лицу объекта, вызывающего то самое волнение, возможно, даже и некое томление. Брюнетка как раз была из таких. Ну, ей-богу, Игорь, рассуждаешь прямо как восемнадцатилетний пылкий юноша, а не солидный мужчина тридцати пяти лет. Я отвернулся и уставился в окно, чтобы не пялиться на черноволосую красавицу, которая, надо признаться, не обращала на меня абсолютно никакого внимания. Хотя кто знает, может быть, просто делала вид, что я ее не интересую — чужая душа, а тем более женская — потемки!

Я вообще-то пользуюсь некоторым успехом у женщин. Нет-нет, я не хвастун и могу трезво оценивать свои, прямо скажем, не выдающиеся, но

тем не менее неплохие внешние данные — рост высокий, русоволосый, с открытым честным взглядом, античным носом, упрямым ртом и твердым подбородком, в общем, мужественный такой вид у меня... и плечи широкие. Так что шансы понравиться брюнетке были, но это не имело ровным счетом никакого значения, потому что видел я ее в первый и последний раз, обычная случайная попугица, выйдем из аэроэкспресса, сядем в разные самолеты и разлетимся, возможно, в разные концы планеты. Полюбовался на красавицу, развлекся мыслями о ней, и на том спасибо.

В аэропорт я приехал рано — за три часа до вылета самолета — и как добропорядочный пассажир сразу же отправился искать стойку регистрации. Каждый, кто летал на самолетах, а не летавших в наше время, скорее всего, и не найдется, за исключением каких-нибудь аборигенов в отсталых странах, знает процедуру прохождения регистрации пассажиров, паспортного и пограничного контроля, поэтому объяснять, как именно меня досматривали, проверяли паспорт и ставили печать о вылете, подробно рассказывать не следует. В общем, полчаса спустя я оказался в зоне вылета в длинной галерее с залами ожидания, дьюти-фри, секторами посадки, туалетами и оборудованными возле них курилками. Впрочем, вру — курилок что-то в этом году не видно. Ах да,

государство курить в общественных местах запретило, и правильно сделало. Я сам не курю и терпеть не могу, когда кто-то курит, особенно женщины.

Я отыскал нужный мне сектор вылета — квадратный зал с дьюти-фри по продаже парфюмерии в центре него, но здесь еще было пусто, и я, чтобы скоротать время, стал шататься по галерее, заглядывая в магазины. Между прочим, в одном из залов ожидания заметил блондинку и брюнетку, с которыми вместе ехал в аэроэкспрессе. Они сидели рядом, та, что помоложе, брюнетка, наяривала на клавиатуре планшета, ее спутница листала какой-то гламурный журнал. Рядом с нею чинно восседал полноватый мужчина лет под пятьдесят, одетый в летний бежевый костюм с рисунком из мелких геометрических фигур, бежевые летние туфли и сетчатую шляпу. Мужик был колоритной личностью — полноватый, с квадратным лицом, с черными блестящими глазами, густыми черными бровями, крупным носом, мощной челюстью и аккуратной бородкой «а-ля Владимир Ленин», которая была до того черной, что возникало подозрение: а не красит ли он ее в радикально черный цвет.

Пошатавшись еще немного по аэропорту, я подошел к своему сектору вылета. Народ потихоньку собирался, и я, прекратив бесцельное

шатание по аэропорту, остался здесь. Наконец объявили о посадке, и к стойке у двери к телескопическому трапу вмиг образовалась очередь. И вот, когда в зале началось всеобщее движение и хвост очереди, огибающий тот самый дьюти-фри с парфюмом, все увеличивался и увеличивался, вырастая на глазах, прозвучал вскрик, а потом раздался звук удара упавшего на пол тела. Толпа шарахнулась в сторону, образовав полукруг, в котором на полу, выложенном крупной, с зеркальным блеском, кафельной плиткой, лежала полноватая женщина в темно-синих брюках, матерчатых туфлях и черной блузке. Рядом с нею валялась дорожная сумка. Женщина лежала на животе, полубоком, одна нога подтянута к животу, вторая откинута в сторону, правая рука неестественно вывернута, левая — будто выброшена вперед и вверх в приветствии кого-то. Под головой женщины с одутловатым лицом с выпученными от ужаса и боли глазами быстро растекалась лужица темной густой крови. Зрелище было страшно неприглядным и в то же время завораживающим, притягивающим взгляд. Она непроизвольно двигала руками и ногами, отчего напоминала выползшего из моря краба.

Вдруг из разом притихшей толпы вышла невысокая худощавая женщина лет шестидесяти с морщинистым злым лицом и зорким взглядом,

одетая для своего возраста весьма несуразно, хотя для перелета или туристки в самый раз — легинсы зеленого цвета, кроссовки, рубашка навывпуск и зеленая бейсболка. Она быстрым шагом направилась к пострадавшей.

А с другого конца загнувшейся в полукруг очереди отделился здоровый, лысоватый мужик лет сорока семи, с вытянутым лицом, обвисшими щеками, кустистыми бровями и умными глазами, одетый, как и многие в аэропорту, по-дорожному — в джинсы синего цвета, спортивную обувь и голубую рубашку, и двинулся наперерез женщине. От него веяло мощью, уверенностью и спокойствием.

— Майор Бурмистров, полиция Москвы! — проговорил он громко, на ходу доставая удостоверение из кармана рубашки и раскрывая его. — В чем дело?

Злая старуха, поджав тонкие губы, бросила:

— Я врач!

Майор отступил, а доктор присела рядом с лежащей на полу несчастной женщиной и стала ощупывать ее. Я стоял в центре очереди, и толпа постепенно начала сжимать кольцо вокруг полицейского, врача и пострадавшей. Задние напирали на передних, всем было интересно посмотреть, что там случилось, и меня против моей воли стали теснить к центру троицы.

Какой-то мужчина негромко произнес:

— Она вон оттуда, сверху упала.

Я поднял глаза: там на уровне второго этажа шел балкон, огороженный металлическими перилами, виднелось кафе, которое было закрыто, и вообще весь второй этаж будто вымер. Несколько человек, стоявших справа и слева от меня, как по команде подняли кверху головы.

— Там же ограждение, — заметил мужской голос. — Как она могла упасть?

— Кто знает, — философски произнес другой мужской голос. — Может быть, столкнул кто.

— А может быть, самоубийца, — предположил третий.

— Уважаемые пассажиры, — громко проговорил Бурмистров и, растопырив руки, пошел в мою сторону, делая руками такие движения, будто сгонял в курятник цыплят. — Отодвиньтесь, пожалуйста, дальше, дальше... Вы же видите, здесь несчастье случилось! Дальше, дальше! Женщине нужно больше воздуха, отойдите!

Стоявший на противоположной стороне живого кольца высокий, худой, одетый во все черное и в дурацком сомбреро мужчина, некогда красивый, а ныне с потасканным лицом постаревшего ловеласа, неожиданно развернулся лицом к толпе и громко сказал:

— Действительно, господа, негоже стоять и

смотреть на то, как умирает человек. Разойдитесь, дайте женщине покой! — и двинулся прочь из толпы.

«Селадон», как я сразу окрестил мужика, словно в воду глядел — лежащая на полу женщина вдруг задергалась, засучила ногами, хаотично и судорожно задвигала руками, затем с какой-то неизбывной тоской глянула на толпу затуманившимся взглядом. Она явно доживала свои последние минуты, и ей никто и ничем уже не мог помочь. Действительно, амплитуда ее движений стала реже, потом несчастная выгнулась, на несколько мгновений замерла, и неожиданно ее напряженное тело обмякло, распласталось на полу, взгляд начал стекленеть, а из приоткрытого рта потекла струйка крови.

Сухощавая женщина-врач быстро поднялась и, разведя руками, как-то виновато и негромко сказала Бурмистрову то, что и так было понятно:

— Увы, ничего нельзя было сделать.

«Все, отмучилась», — невольно констатировал я про себя, а за моей спиной вдруг раздался негромкий мелодичный женский голос с печальными нотками:

— Да-а, отлично отпуск начинается.

Собираясь уходить, я обернулся и увидел стоявшую за моей спиной ту самую черноволосую красавицу, с которой вместе ехал в аэроэкспрессе.

Вид у нее был удрученный, но не испуганный. Неподалеку стояла напарница брюнетки, отличавшаяся холодной красотой. Чуть в стороне и сзади от нее пристроился мужик с ленинской бородкой. Его вытянутое лицо приобрело скорбное выражение. Впрочем, скорбное выражение было у всех людей, находившихся в толпе. Сейчас мне представилась возможность завести с понравившейся мне девицей разговор, но момент больно неподходящий. Не место рядом с трупом заводить шашни — счастья не будет.

— Да уж, — невесело проговорил я и прошел мимо девушки.

Спустя пару минут к месту трагедии скорым шагом подошли двое работников аэропорта и полицейский с погонами капитана, а затем с каталкой прибежали два эскулапа в зеленых медицинских костюмах. Однако, когда они, бросив каталку, подбежали к трупу, капитан полиции запретил к нему прикасаться. Он, со слов старушки-врача, уже знал, что женщина скончалась. Мертвое тело накрыли простыней, взятой с каталки. Контролеры аэропорта — парень и девушка, стоявшие у двери, ведущей к телескопическому трапу, — потоптались немного на месте и ушли. А по очереди прошел слухок, что наш рейс Москва — Долман задерживается. Как выяснилось позже, погибшая женщина должна

была лететь на нашем самолете. Началась долгая и утомительная процедура опроса свидетелей, в которой участвовали капитан и еще двое полицейских, присоединившиеся к нему. Прибыла и оперативная бригада, начавшая проводить свои мероприятия — фотосъемку, осмотр трупа, сумки женщины, но что там конкретно происходило, мы уже не видели. Всю очередь перегнали к другому сектору, а место трагедии огородили красно-белой лентой.

Прибытие

Нас промариновали в аэропорту более трех часов. Наконец объявили посадку, и натянуто улыбающиеся контролеры пропустили нас в самолет. Полчаса спустя «Боинг» взлетел, и почти все пассажиры облегченно вздохнули. Каждый постарался выбросить из головы мысли о произошедшей в аэропорту трагедии — впереди ждал отдых. Я не оговорился, сказав «почти все облегченно вздохнули», потому что сидевший рядом со мной в кресле белобрысый, конопатый, с приличным брюшком мужчина лет за пятьдесят никак не мог успокоиться. Явно не из бедных, одетый в дорогую светлую рубашку, брюки и туфли, он выказывал беспокойство, был суетлив и занудлив.

— Ну вот, — бубнил мужчина, шлепая толстыми бескровными губами, — в кои-то веки собрался поехать в отпуск, и на тебе! В начале пути — труп! Эта тетка чуть мне на голову не свалилась. Шлепнулась о бетонный кафель и распласталась на нем, как лягушка. Теперь точно дороги не будет.

— Да ладно, не думайте о плохом, — делано безразличным тоном проговорил я и махнул рукой, хотя мне тоже было неприятно, повстречать на пути покойника — нехорошая примета, вроде как препятствие. А здесь вообще покойник не где-то по пути в гробу встретился, а чуть ли мужику на голову не упал. — Скоро все забудется. Сами знаете, у мозга есть такое свойство — стирать из памяти все самое негативное и оставлять лишь хорошее, позитивное.

— Я не думаю, что образ этой толстой тетки, лежащей на полу в луже крови, быстро сотрется из моей памяти, — глядя на меня светлыми красноватыми глазами и хлопая белесыми ресницами, проговорил мой сосед. — И как только она могла упасть со второго этажа? Там же перила!

«В самом деле, как?» — в который уже раз за сегодняшний день задал я себе этот вопрос. Да, я совсем забыл сказать, что иной раз занимаюсь по просьбе моих знакомых или малознакомых людей частным сыском, расследую дела, обстоятельства которых мои заказчики не хотели бы предавать

огласке. А все потому, что все считают, будто у меня аналитический склад ума и нестандартное мышление, а возможно, и нестандартный подход к делу. Назвать это можно как угодно, но главное, что мне действительно удается найти для заказчика пропавшую у него вещь или пропавшего человека, а то и разоблачить убийцу. И все это, разумеется, за деньги. Но сегодня был не тот случай, гонорар мне не светил, и тем не менее привычка анализировать ситуацию давала о себе знать. Я все время думал о разыгравшейся на моих глазах трагедии. Как женщина упала, я не видел, но не верить людям, которые видели, как она грохнулась сверху, у меня не было оснований. Вот только как она могла упасть с балкона второго этажа, огороженного перилами? Может быть, она действительно самоубийца и бросилась, перевалившись через перила вниз головой? Да нет, глупо вроде. Какой смысл покупать тур в Турцию, ехать в аэропорт и здесь кончать жизнь самоубийством? Что, она не могла выброститься с балкона дома с девятого этажа, а если живет на первом, то подняться на крышу и сигануть вниз? Гарантий, что она разобьется, упав на асфальт, было бы больше, чем здесь. Но, может быть, женщина почувствовала себя плохо, прислонилась к перилам, верхняя часть тела перевесила нижнюю и она упала вниз? Всякое может быть, но есть еще один вариант. Возможно,

женщина стояла на втором этаже у перил, кто-то подошел сзади, большой и сильный, взял ее за ноги и перебросил через ограждение балкона. Потом быстро прошел по пустынному балкону, спустился по ступенькам и затерялся в толпе. В таком случае рисковал он сильно, потому что женщина из-за малой высоты могла не разбиться и указать на него как на человека, сбросившего ее с балкона. Всякое может быть, но что именно произошло там, на балконе второго этажа, мне не суждено узнать, ибо расследованием занимаются в Москве официальные власти. Когда работают профессионалы-сыщики, частные детективы отдыхают, это шутка, конечно, хотя и мрачноватая. А не суждено узнать, потому что я нахожусь теперь далеко от места, где произошла трагедия и идет расследование дела. Хотя если женщину убили — чем черт не шутит, преступник может лететь с нами в одном самолете.

Начали разносить завтрак, и мне пришлось прервать свои размышления. Белобрысый мужик, сидевший рядом со мной, заказал к нему пару рюмок коньяку. Он предложил и мне стопочку, но я отказался, и белобрысый под скромный завтрак авиапассажира выпил их одну за другой.

Он немного успокоился, чуть-чуть захмелел и стал болтать без умолку. Рассказал мне, что он москвич, работает риелтором, зовут его Леонидом Люстриным, он летит в Турцию, хотя куда еще

можно было лететь в этом самолете, если он приземлялся в Доломане, и будет отдыхать в течение десяти дней тоже в отеле «Чок Яша». Я делал вид, будто внимательно слушаю его, невпопад отвечал, а сам думал о своем, настраивая себя на мажорный лад, на приятный отдых возле моря. После окончания трапезы, когда бортпроводницы собрали пустые контейнеры для еды и стало возможно передвигаться, я отправился в туалет. Возвращаясь обратно, поймал на себе взгляд той самой черноволосой брюнетки и в знак приветствия едва кивнул ей, она едва заметно усмехнулась в ответ, и я молча прошел мимо.

В аэропорту Доломан приземлились вместо положенных тринадцать тридцать в шестнадцать ноль-ноль (в пятнадцать часов ровно по местному времени). Турецкой жары пока не чувствовалось — из охлажденного кондиционерами салона самолета по телескопическому трапу сразу же перешли в прохладное здание аэропорта. По сравнению с многолюдным Шереметьевом Доломан был пустынным, поэтому здание аэропорта казалось громадным, монументальным, гулким и неудобным. Поскольку людей было очень мало, процедуру таможенного досмотра и паспортного контроля прошли довольно быстро, и вскоре ручеек прибывших из России туристов потянулся с вещами от пункта выдачи багажа к выходу.

Ого! Вот здесь уже чувствовался зной. Из прохладного вестибюля тотчас попали в объятия душного жаркого воздуха и под палящие лучи яркого солнца на голубом, без единого облачка, небосклоне.

Встретили нас трансферные гиды, больше известные как трансфермены, которые отвечают за сопровождение гостей туристской компании по маршруту аэропорт — отель, кроме того, они являются экскурсионными гидами, гидами по магазинам и рынкам и, конечно же, помощниками отельного гида. Увидев табличку в руках трансфермена с написанным на ней словом «Оникс» — названием компании, предоставлявшей мне пакет туристических услуг, я направился в ту сторону. Вокруг него уже образовалась небольшая толпа, которая на глазах увеличивалась. Я приблизился и получил возможность поближе рассмотреть трансфермена. Моим встречающим был красивый длинноволосый парень лет двадцати пяти, с прямым носом, полными губами, густыми бровями, карими глазами, мужественным подбородком... ну, молодой турецкий полубог, да и только. Хотя, несмотря на то, что он был жгучим брюнетом и смуглым, я бы не назвал его чистокровным турком. Тех отличает иного рода смуглость, если так можно выразиться, черноватая, природная, доставшаяся им от предков, работавших

под жарким солнцем. У этого же она с бронзовым оттенком, какой дают море, морской воздух и солнце. Так что можно было предположить, что кожа у парня светлая и просто загорелая.

Парень выглядел уставшим, очевидно, из-за задержки нашего рейса ему тоже пришлось помаяться, дожидаясь нас в аэропорту лишние три часа. Но он старался бодриться и даже изобразил фирменную улыбку человека, представляющего лицо туристической компании.

— Здравствуйте, уважаемые гости! — проговорил он приятным баритоном и на довольно хорошем русском языке. — Наша компания рада приветствовать вас в Турции. Зовут меня Адам Демир. Я буду вашим гидом и трансферменом на протяжении всего вашего отдыха. А теперь давайте проведем сверку фамилий по списку, чтобы я знал, кто в какой отель едет, и вы смогли бы уложить в багажном отделении автобуса свои вещи так, чтобы было удобно их забирать по мере того, как мы будем останавливаться у мест вашего отдыха.

Началась переключка, но я не запомнил, кто в какой отель едет и у кого какая фамилия, по причине того, что вымотался, не до проявления любопытства было, но интересовавшую меня брюнетку с милovidным личиком, оказавшуюся рядом со мной, и ее спутницу помимо своей воли запомнил. Девушку звали Алина Милушева, а ее

товарку — Надежда Ярилова. Странно, при такой внешности, отметил я про себя, и такая некрасивая фамилия.

Впрочем, я запомнил еще одну фамилию. Ее назвал наш трансфермен, но никто не отозвался.

— Светлана Буренина! — еще громче выкрикнул Адам и окинул таким взглядом толпу людей, окружавшую его, словно та самая Светлана пряталась от него за спинами туристов, а он выглядывал ее.

— Нет ее! — неожиданно подал голос майор Бурмистров, тоже стоявший здесь. — Она в аэропорту, там, в Москве... погибла.

И без того уставшие пассажиры, вспомнив о недавней трагедии, и вовсе сникли. А трансфермен удивленно уставился на полицейского, пребывавшего на отдыхе, и поинтересовался:

— А что произошло?

— Этого я не знаю, — признался майор, достал платок и протер лысину. — Следствие выяснит.

Все присутствующие испытали неловкость, какая всегда возникает, когда человек попадает впросак, интересуясь о человеке, которого уже нет на этом свете. Видимо, не желая дальше развивать эту тему и опасаясь, что трансфермен задаст новый бестактный вопрос, Бурмистров хмуро сказал:

— Потому наш рейс и задержали. Давайте

дальше по списку.

— Гм, — проговорил Адам и назвал следующую фамилию.

Пять минут спустя толпа во главе с Адамом потянулась к новенькому «Мерседесу». Сложив вещи в багажное отделение, расселись в автобус. Оказалось, что, кроме меня, Яриловой, Милушевой и Бурмистрова, путевки у одного и того же туроператора приобрели уже знакомые мне личности — сидевший со мной рядом в самолете Леонид Люстрин, сухощавая женщина-врач, высокий худой мужчина-«саладон» в сомбреро и квадратный тип с бородкой «а-ля Владимир Ильич». Ну, разумеется, у всех у нас сопровождающим был Адам, а следовательно, мы все вместе оказались в одном автобусе. Само собой, в нашей группе были и другие пассажиры, прилетевшие с нами из Шереметьева в Долман, но их я не запомнил.

Мы тронулись в путь, и Адам Демир, расположившийся на переднем сиденье, заливался соловьем, рассказывая о том, какая прекрасная в Турции жизнь, об особенностях этой страны, о том, где и как лучше менять деньги, где и какие товары покупать, какую воду пить... Я слушал вполуха и любовался природой.

О, эти пейзажи Турции! Какой здесь только растительности нет! Четыре моря — Черное,

Средиземное, Эгейское и Мраморное — омывают эту страну, и каждое подарило ей свой характер, свою природу, отчего климат тут своеобразный, а вернее, разнообразный, вот и растут здесь свойственные разным климатическим зонам деревья и кустарники — и фисташка, и мирт, и цитрусовые, и пальмы, и инжир, и цератония, и сосны, и ели, и кедры, всего не перечислишь. Да и не ботаник я, чтобы знать наизусть все 6700 представителей флоры Турции. А какие горные пейзажи! Во время движения автобуса они то и дело менялись, как менялись линии и очертания то скалистых, то покрытых лесами, то абсолютно лысых гор. Это зрелище просто завораживает. Сидишь и без конца вертишь по сторонам головой. И этот горный, ни с чем не сравнимый, настоящий на травах воздух!.. Жарковато, правда, эх, поскорее бы в море!!!

«Я еду к морю, еду, я еду к ласковой волне. Счастливей встречи нету, счастливей встречи нету — на всей земле!» — пела душа какую-то старенькую, наверняка некогда популярную песенку.

И вот наконец час спустя за одной из гор появилось оно — Средиземное море!!! Неестественная синева воды, сливающаяся с неестественной синевой неба, словно море вздыбилось, а возможно, небо упало... или просто

Зевс и Посейдон объединили свои стихии. Но как бы там ни было — здравствуй, море, небо, свежий воздух и отдых!

Я сидел на втором сиденье сразу за Адамом, и мне отлично были видны в лобовое стекло далеко внизу приближающаяся береговая линия, сплошь застроенная отелями, зеленые насаждения, плывущие по волнам корабли, кораблики и суда.

Двадцать минут спустя мы съехали с горы вниз к морю, и водитель начал развозить нас по отелям, а трансфермен провожать группы по два, четыре, шесть человек к месту их отдыха. Наша самая многочисленная из ехавших в автобусе групп покинула транспортное средство предпоследней. Предпоследней, потому что последними в автобусе оставались два человека, делить которых еще на две группы вряд ли будут. Тем более что это были парень и девушка, обнимавшиеся всю дорогу. Я так думаю, они вдвоем покупали в Москве тур и ехали в один отель. Не верится мне, что они были незнакомы, ехали в разные отели, да вот за время перелета познакомились и так сблизились, что висли друг на друге, сгорая от любви. Хотя все может быть, у нынешней молодежи нравы свободные.

Наш, как я уже сказал, самый многочисленный отряд, прибывший к месту отдыха под руководством Адама, стал забирать из

багажного отделения автобуса вещи и двигаться к отелю. Я хотел было помочь Алине и Надежде достать вещи, но здесь подсуетился мужик с квадратной фигурой и черной как смоль бородкой. Он как-то ревниво глянул на меня, когда я взялся за ручку чемодана девушки, и я, сделав вид, что ошибся багажом, забрал свой чемодан, предоставив мужику самому вытаскивать вещи женщин. Нет, конечно же, я не испугался его, просто подумал, что он, скорее всего, имеет виды на этих дам, что ж, пусть дерзает. Я не жадный, другую себе найду. Я двинулся к отелю, присматриваясь по дороге к своим попугчикам. Все те же — Алина, Надежда, их бородатый полноватый ухажер, майор Бурмистров, женщина-врач, Леонид Люстрин и длинный худой «саладон».

Дойдя до места, я окинул взглядом отель и прилегающую к нему территорию. И само здание, и местность вокруг него, и строения на ней, и дизайн были превосходны — мечта туриста. Пятиэтажный домик из стекла и некоего облицовочного материала под золото с полукруглыми балкончиками, прилепленными друг к другу, отчего здание казалось ажурным и воздушным. Рядом с ним большущий, с изогнутыми линиями, бассейн с островком посередине, на котором располагалось кафе. Кое-где на территории виднелись лужайки с пальмами, с двух сторон, ограждая территорию от

других отелей, шел забор, состоящий наполовину из бетона, наполовину из деревянных реек с ячейками пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Забор спускался к самому морю, где из-за здания виднелся пляж с золотым песком, зонтиками и лежаками. Мне не терпелось скорее устроиться в отеле и с разбегу нырнуть в море, освежиться после утомительного пути.

Адам Демир провел нас в громадный, с мраморными колоннами и мраморным полом, холл, где находились ресепшен, киоск с периодикой и сувенирами, кадучки с какими-то экзотическими растениями, два журнальных столика и рядом с ними кресла и диван. В здании было прохладно и пустынно, лишь за стойкой сидел молодой турок, который при нашем появлении встал, приятно улыбаясь. Адам перекинулся с ним несколькими словами по-турецки, затем повернулся к нам и проговорил, разумеется, на русском:

— Уважаемые туристы, в восемь часов вечера жду вас в кафе для беседы, портье скажет, куда именно вам необходимо подойти. У меня для вас есть кое-какая информация, касающаяся вашего отдыха, которую я вам с удовольствием сообщу. А пока желаю приятного отдыха.

Трансфермен развернулся и направился прочь из здания. Оставив вещи возле столиков, мы все приблизились к стойке. Щуплый турок с лицом

прилежного ученика, одетый в строгий наряд — черные брюки, рубашку и бабочку, беспрестанно улыбаясь, просил на сносном русском назвать фамилию, после чего сверялся со своим списком, где, очевидно, была указана категория номера, просил заполнить анкету и выдавал ключи. Вновь возникла заминка, когда портье начал выяснять, кто такая Светлана Буренина. Оказалось, что погибшая в Шереметьеве женщина мало того что должна была лететь с нами в одном самолете, ехать в одном автобусе, так она еще должна была поселиться с нами в одном отеле. Мрачновато как-то. Похоже, ее тень будет преследовать нас на протяжении всех десяти дней отдыха. Но не возвращаться же теперь из-за предрассудков домой, и я забрал у портье ключи от своего номера, когда он выложил их на ресепшен. Прихватив свой чемодан, пошел к лифту и поднялся на пятый этаж.

Умеют турки экономно жить или, вернее, экономить. Да и не только турки, это во всех развитых странах, за исключением нас, конечно, хотя мы и не очень-то развитые, развиваемся только, но все равно непростительно так расточительствовать. На этажах включался свет лишь тогда, когда появлялся человек — срабатывали датчики движения. В пятьсот двадцать третьем номере, куда я, открыв дверь, вошел, включить свет можно лишь после того, как

вставишь в специальную щель брелок от ключа. Выходя, постоялец номера не забудет вырубить везде свет, так как необходимо вытащить из щели брелок, отключающий электричество, потому что на нем ключ, а без него, как известно, входную дверь не закроешь. Хотя у меня нет особых претензий к жилищным условиям на отдыхе — я целыми днями бываю на улице, а в отель прихожу лишь спать, — номер у туроператора, как оказалось, я выбрал себе замечательный. Он был отделан в бежевой гамме, довольно просторный, с двумя полуторными кроватями, тумбочкой, шкафом, трюмо, маленьким холодильником, телевизором, журнальным столиком и двумя стульями. На каждой кровати из полотенец были сооружены лебеди. Ну, лебедем из полотенца меня не удивишь. За время поездок по различным странам в гостиничных номерах я повидал немало фигур, созданных из полотенец, — и собаки, и слоны, и кошки, и лобстеры, и козочки, и черепахи, и даже обезьяны. Я безжалостно сшиб произведение искусства местной уборщицы, бросив на кровать чемодан, достал из него плавки, переоделся в шорты и майку и, прихватив бывшего лебедя, отправился на пляж.

Заход солнца в это время в Турции в 20.30, встреча с Адамом в 20.00, сейчас 18.30, у меня есть больше часа, чтобы искупаться. Пляж был

песчаным, ухоженным, на нем в несколько рядов стояли зонтики, под каждым из них по два лежака. Народу в этот час не так уж и много, свободных лежаков оставалось с лихвой. Я выбрал один, поближе к воде, разогнулся и с ходу нырнул в море. Признаться, я устал за время перелета, и мне было уже не до местных красот. Побултыхавшись в воде, я растянулся на лежаке, и меня так разморило, что я чуть не уснул. Пересилив себя, поднялся и отправился в отель. Портье, все тот же «прилежный ученик», указал мне, где обычно происходит беседа трансфермена с вновь прибывшими отдыхающими. Оказалось, за углом здания, в небольшом кафе, которых, кстати говоря, на территории отеля было несколько штук.

Кафе под открытым небом, под зонтиками, ограниченное двумя стенами, представляло собой проход к еще одному бассейну для детворы — «лягушатнику». Вся компания, прибывшая сегодня из Москвы в отель «Чок Яша», название которого переводилось, как подсказал портье, «Будьте здоровы», была в сборе, не хватало меня и Бурмистрова. Адам Демир находился здесь же. Все сидели за большим круглым столом, дожидаясь оставшихся. Я устроился между Яриловой и врачом, напротив Адама. Судя по мокрым волосам, кое-кто, как и я, успел взбодриться, искупавшись в море, а кое-кто все еще сидел квелым, их клонило в

сон. Подождали еще несколько минут, однако полицейский не приходил, и Демир произнес:

— Ладно, как русские говорят, семеро одного не ждут, начнем, а ваш товарищ подойдет позже. Вы до него доведете необходимую информацию. Но вначале давайте познакомимся. Назовите, пожалуйста, свои имена и фамилии, чтобы я вас запомнил, потому что мне с вами нужно работать, да и вам не мешало бы знать друг друга в лицо.

Все стали дружно представляться. Кое-кого я уже знал — не пришедшего Бурмистрова, Надежду Ярилову, Алину Милушеву, риелтора Леонида Люстрина, а остальных запомнил сейчас.

Морщинистая сухощавая врач со злым лицом и зорким взглядом оказалась Галиной Студенцовой, плотный мужик с квадратным лицом и черной как смоль бородкой — Валерием Замшеловым, «саладон» — Николаем Гуляевым.

— А теперь, уважаемые туристы, предлагаю вам ознакомиться, — продолжил свою речь Адам, — с экскурсиями, которые предлагает наше туристическое агентство.

Он разложил перед нами буклеты и начал агитировать за то, чтобы мы покупали экскурсии у него по двум причинам: во-первых, выгодно, во-вторых, именно его туристическая компания гарантирует оплату страховки, если несчастный случай произойдет во время экскурсии,

приобретенной у обслуживающей фирмы, в которой работает Адам Демир. Я для виду полистал буклеты, а сам исподтишка наблюдал за сидевшей справа Алиной. Ох, хороша девица! Мягкий, будто рисованный художником-аниматором, милый профиль, длинные ресницы, бархатные брови, нежные губки, курносый носик. Зря, конечно, я не познакомился с нею там, в аэропорту Шереметьево, но ничего, время еще есть, познакомимся...

А Бурмистрова все не было и не было, и я отчего-то вдруг начал испытывать смутное беспокойство. Конечно, ничего особенного нет в том, что полицейский не пришел на беседу, мало ли где мог задержаться или пойти куда, но на фоне произошедшего сегодня в аэропорту убийства, а я уже не сомневался, что это убийство, мне почему-то стало казаться подозрительным и зловещим любое, даже незначительное событие, например, такое вот, как отсутствие одного из туристов, прибывших сегодня с нами в отель «Чок Яша». Разумеется, если бы несчастная женщина не оказалась из нашей группы, я подобных чувств не испытывал бы, но, поскольку она сейчас должна была находиться среди нас, чудилось, будто ее дух присутствовал за столом, витал над нами, предвещая беду. Нет-нет да и зарождалась мысль: а вдруг человек, помогший Светлане Бурениной упасть со второго этажа головой на мраморный пол,

среди нас? Глупо, конечно, так думать, сколько в тот час было самолетов во все уголки страны, и почему убийца должен обязательно быть с нашего рейса, а потом оказаться именно в нашем отеле? А с другой стороны, убийство явно преднамеренное, совершенное уже в зоне вылета, следовательно, преступник не мог пройти через таможенный и пограничный контроль, убить человека и снова выйти. Его бы сразу вычислили по паспортным данным или по тому, что он не сел в свой самолет. Да и тупо как-то — купить билет на самолет, пройти регистрацию, совершить преступление и уйти из зоны вылета. Вряд ли он был и с другого рейса. Разве можно подгадать так, чтобы намеренно встретиться со своей жертвой в таком громадном аэропорту, купив билет на какой-нибудь другой самолет? Вопрос риторический — нет, конечно. Скорее всего, он приобрел билет на этот самый рейс, убил Буренину и на этом же самолете улетел. Или перебросить женщину через перила мог работник аэропорта, свободно разгуливающий в зоне вылета. Всякое может быть, но во мне почему-то росла и крепла уверенность, что преступник — пассажир. Но в каком он сейчас отеле Турции, остается только гадать, так же как и о мотивах совершенного преступления — не имея доступа к информации, невозможно строить какие-либо гипотезы. Надеюсь, полицейские

разберутся в этом деле.

Демир наконец-то закончил кампанию по рекламе достопримечательностей Турции, осматривать которые лучше всего по билетам, приобретенным у туроператора «Оникс», и заговорил на более актуальные для нас темы: о распорядке дня, о режиме питания, о правилах поведения в отеле — для русских это актуально, не умеют себя вести за границей, как, впрочем, и дома, о порядке отъезда из отеля, пояснив, что накануне на доске объявлений в фойе появится список с нашими фамилиями и время отъезда.

— Спиртные напитки, кстати, — упомянул Адам, — на завтрак и обед бесплатные, а на ужин за свой счет.

— Кто же за завтраком пьет-то? — вступил в разговор «селадон». — Потом на жаре с ума сойдешь.

Голос у него был неприятный, какой-то резкий и трескучий. В аэропорту Гуляев, стыдивший зевак, находился далеко от меня, и я его как следует не разглядел, не обратил на него внимания и во время перелета и поездки до отеля, не девица он, чтобы любоваться, но сейчас он сидел близко от меня, и я волей-неволей рассмотрел его. Действительно, в молодости Гуляев был красив. Только сейчас эта красота поблекла, поистерлась, что ли. Под глазами мешки, брови куцые, усы

обвислые, прямой нос в красных прожилках, волосы седые и неухоженные, короче, купидон в старости. Одет он был как-то неряшливо: белая рубашка с затертым воротником — мятая, светлые брюки — тоже потертые и застиранные.

— Поверьте, — с улыбкой ответил ему Адам, — бывают и такие, кто пьет и за завтраком, и за обедом, и за ужином.

— Действительно, халявщиков много, — поддакнул Замшелов.

— Ладно, проехали, — своим трескучим голосом произнес Гуляев. — Меня эта тема вообще не интересует — я абсолютный трезвенник.

— Уважаю таких людей, — похвалил «селадона» трансфермен и вновь продолжил информировать нас по поводу организации нашего отдыха в Турции, а когда он замолчал, Леонид Люстрин вдруг спросил:

— А где же наш майор? — Белобрысый риелтор обвел всех нас своими красноватыми, как у кролика, глазами, в которых поселился страх. — Он так и не пришел.

— Вы думаете, с ним что-то случилось? — насмешливо проговорил Валерий Замшелов. Он явно бравировал перед женщинами, хотя в его голосе тоже чувствовалась обеспокоенность.

За столом на некоторое время установилась гнетущая тишина. По-видимому, все

присутствующие, за исключением разве что Адама, ничего толком не знавшего о произошедшем в далекой и чужой для него стране, испытывали схожее чувство, вызванное странной смертью туристки, которая должна была бы сейчас сидеть вместе с нами за одним столом, — чувство тревоги.

— Надо пойти и проверить, где сейчас полицейский, — поддержал я белобрысого Люстрина. — Мало ли что с ним могло произойти здесь, в иностранном государстве.

— Вот только не надо каркать, молодой человек, — почему-то с неприязнью заявил «саладон».

— А я не каркаю, — проговорил я с деланным безразличием, глядя прямо в глаза Гуляеву. — Просто забочусь о ближнем. У меня очень хорошо развито чувство коллективизма. Раз уж мы сюда вместе прибыли и вместе уедем, я ощущаю груз ответственности за каждого из вас. — Я проговорил это с преувеличенным пафосом, для того чтобы мои слова нельзя было бы принять всерьез, сводя, таким образом, все к шутке.

Все поняли, что я придуриваюсь, и кое-кто заулыбался. Гуляев хмыкнул, а Демир задорно рассмеялся.

— Зря вы, Игорь, и вы, Леонид, — поочередно глянул он на меня и на риелтора, — беспокоитесь. У нас здесь на побережье русских любят. Мы

живем за счет вас, туристов, за счет тех денег, что вы привозите в нашу страну. Поэтому, уверяю вас, никто никогда, во всяком случае, в тех отелях, которые обслуживает наша компания, вас не обидит.

— И все-таки неплохо было бы узнать, где полицейский, — проворчала врач Студенцова, и ее дряблое лицо в обрамлении венчика крашенных в каштановый цвет волос стало строгим.

— Ну, хорошо, — сдаваясь, мягко проговорил Адам. — Идите кто-нибудь со мной, я спрошу у портье, не выходил ли господин Бурмистров из номера прогуляться. — Он встал, со стуком отодвинув стул, и поклонился присутствующим, добавив: — Сюда я уже не вернусь, всего вам доброго. Если будут какие-нибудь вопросы или пожелания, звоните мне. — Достав из кармана рубашки своей униформы визитную карточку, он положил ее на стол. — Здесь номер моего телефона. А теперь извините, у меня дела.

Разыскивать Бурмистрова вызвалась вся мужская часть нашей группы, присутствующая за столом. Я, Николай Гуляев, Валерий Замшелов и Леонид Люстрин как один поднялись со стульев и двинулись следом за направившимся к входу в отель трансферменом.

На сей раз за ресепшен стояла улыбающаяся турчанка, одетая в фирменную одежду отеля —

темный низ, голубой верх, с румяным, само собой, смуглым, довольно приятным лицом и длинными вьющимися волосами. Адам Демир перебросился с ней несколькими фразами на родном языке. Произнеся последнюю, девушка пожалала плечами и одновременно отрицательно покачала головой. Можно было уже и не переводить, но Адам сказал нам по-русски:

— Ваш земляк никуда не выходил. Ключа от его номера нет. Если хотите, можете подняться к нему. Вас проводят, а я, с вашего позволения, пойду. У меня еще много дел в других отелях. — Он поклонился, развернулся и направился прочь из здания.

— Оди-ил! — позвала турчанка, и на ее зов из двери, за которой, очевидно, была комната для портье, вышел полноватый парнишка лет шестнадцати, с сытой довольной физиономией и маленькими глазками, маслено смотревшими на мир.

Девушка объяснила, что от него требуется, на всякий случай дала от номера Бурмистрова запасной ключ, и парень, выйдя из-за стойки ресепшен, направился к лифту. Мы двинулись следом. Кабина лифта с золочеными поручнями и облицовочными под золото молдингами, зеркалами и большим матовым плафоном, дающим мягкий рассеянный свет, подняла нас на пятый этаж, где,

как выяснилось позже, расселилась вся наша группа. Мы прошли по пустынному, отделанному под темное дерево коридору, с последовательно вспыхивающими по мере нашего продвижения лампочками в плафонах, и сгрудились у двери с номером 503.

Приведший нас сюда откормленный отрок, не произнесший ни одного слова, очевидно, по причине незнания русского языка, все так же молча постучал костяшками пальцев в дверь, и мы вчетвером, прислушиваясь, замерли. В ответ не раздалось ни звука. Отрок постучал сильнее, и мы снова наострили уши. Но, сколько ни напрягали слух, стараясь различить за дверью какой-либо шум, свидетельствующий о присутствии в номере человека, ничего не уловили. В номере было глухо как в танке. Я почувствовал себя как-то неуютно перед дверью, за которой должен был находиться наш товарищ, но стояла мертвая тишина. Нечто подобное, как мне показалось, испытывали и остальные мужчины. У стоявшего по левую сторону от меня риелтора Люстрина пробежала по телу дрожь, у стоявшего справа бородатого Валерия Замшелова гулко застучало сердце, а торчавший за моей спиной длинный «саладон» Гуляев шумно сглотнул. Только сытомордому отроку все было нипочем. Он вертел по сторонам своей круглой, как мяч, головой и только собрался еще раз грохнуть в

дверь кулаком, как Гуляев жестко потребовал:

— Открывай давай! — И в дополнение к сказанному, чтобы исключить неправильную трактовку своих слов ни бельмеса не понимающему по-русски отроку, продемонстрировал, что именно от него требуется, — вытянул из-за моего плеча руку и повертел ею, имитируя таким образом открывание ключом двери.

Парень пожал плечами, сунул в замочную скважину ключ, повернул его и, распахнув дверь, отступил в сторону. Черт возьми, из-за двери потянуло почти могильным холодом — в номере во всю мощь работал кондиционер.

— Господин полицейский! — срывающимся голосом проговорил Люстрин, просовывая голову в дверной проем, и его реденькие, будто пушок, волосики на голове зашевелились то ли от страха, то ли от вырвавшегося из номера холодного воздуха.

— Да чего вы менжуетесь! — хриплым голосом проговорил «селадон», бывший красавчик. — Заходите давайте!

Однако вместо того, чтобы оттеснить меня и войти первым, он почему-то вдруг подтолкнул меня сзади в спину, понуждая войти в номер. Люстрин, я, Гуляев и Замшелов — в такой последовательности мы ступили в прихожую номера. Парнишка двинулся последним.

— Господин полицейски-ий! — вновь позвал белобрысый Люстрин и открыл дверь в ванную. Там было темно. Я нажал на выключатель, вспыхнул свет — пусто. Мы двинулись дальше и вошли в комнату.

— О боже! Я так и знал! — вскричал Люстрин, первым ступивший в комнату.

Я замер на пороге. В комнате, точной копии моего номера, только не в бежевой, а в розовой цветовой гамме, на кровати лицом к нам лежал Бурмистров. Одна его рука была свешена на пол, другая откинута в сторону, ноги разбросаны, лицо красное и отекающее, а изо рта вытекла жидкость, казавшаяся на розовом покрывале темным кровавым пятном.

Сзади меня вновь подтолкнул Гуляев, и я вынужден был широко ступить в комнату, на него напирал Замшелов, из-за которого выглядывал отрок.

— Фи-фью! — присвистнул Гуляев, увидев представшую его глазам картину. — Кто же его так?

Он подошел к Бурмистрову, наклонился, взял его руку, поднял и отпустил. Она безвольно упала на пол. Подошел и я, потрогал лицо полицейского — холодное, как у остывшего несколько часов назад трупа. Я спортсмен, изучал медицинскую подготовку и превосходно знаю, как проверить, жив

человек или находится в состоянии клинической смерти, и как ему в случае необходимости можно помочь, потому бесцеремонно обхватил шею Бурмистрова рукой и тремя пальцами нажал на сонную артерию. Черт возьми! Бурмистров был еще жив!

— Господин полицейский! — проговорил я громко, уже догадавшись, в чем дело, и потряс Бурмистрова за плечо.

Тот как лежал трупом, не шевелясь, так и продолжал лежать. Я похлопал майора по щеке, потом ударил сильнее, и полицейский наконец что-то промычал и зашевелился.

— С вами все в порядке?! — спросил я громче.

Майор открыл глаза, посмотрел на меня затуманенным взором, затем хрюкнул, с трудом поднялся и сел на кровати.

— В чем дело, мужики?! — пробормотал он, обводя нас по-прежнему мутным взглядом, распространяя вокруг себя густой запах перегара.

— Вы живы?! — воскликнул Люстрин, оторопело глядя на Бурмистрова.

— А ты хотел, чтобы я сдох, да?! — вдруг рывкнул Бурмистров, сунул руку куда-то между кроватью и стоявшей рядом с нею тумбочкой и вытащил почти пустую бутылку коньяка, которую купил, вероятно, еще в Москве в дьюти-фри, о чем

свидетельствовала валявшаяся на полу фирменная упаковка из магазина беспошлинной торговли.

— Да жив он, жив! — с ухмылкой произнес Гуляев, наблюдая за майором, который хлебнул из бутылки приличную дозу спиртного. — Пьян просто. А это пятно на кровати, что мы за кровь приняли, слюна его. Так сладко спал, что нюни распустил. — И он насмешливо взглянул на меня.

Я почувствовал жгучий стыд. Надо же так опозориться, поднял панику, ни с того ни с сего взбудоражил народ и притащил сюда людей, для того чтобы они полюбовались на пьяную морду полицейского.

Замшелов тоже не удержал от насмешки.

— Паникер, — бросил он презрительно, развернулся и, чуть не сбив с ног стоящего за ним сытого отрока, пошел прочь из номера.

Похоже, меня невзлюбили, во всяком случае, мужская часть нашей группы. И что интересно, хотя белобрысый Люстрин, так же как и я, попал впросак и стоял сейчас с бледным лицом и подрагивающей от пережитого испуга нижней челюстью, его и Замшелов, и Гуляев своими замечаниями обошли, все шишки за ложно поднятую тревогу достались мне.

Потянулись к выходу и «саладон», а за ним и риелтор Люстрин. Я постоял немного, потом взял пульт с тумбочки и уменьшил мощность на всю

катушку работавшего кондиционера.

— Простудитесь, — сказал я полицейскому, неуверенным жестом поднесшему ко рту бутылку и сделавшему еще один глоток коньяка, затем развернулся и тоже вышел из номера.

Море

Вчера, измотанный дорогой, переживаниями и событиями, надо сказать, не самыми приятными, лег я рано и сразу же уснул. Проснулся ни свет ни заря, в шесть часов, и не потому, что выспался, а потому, что не спать сюда приехал. Наскоро побрившись, прихватил полотенце, сложил в пляжную сумку воду, солнцезащитные очки, книжку и отправился на пляж. На море в этот час было неуютно, утро только-только начало разгораться, в природе не было еще тех сочных красок, которые придает ей яркий солнечный свет — серое, без малейшего движения, будто мертвое море казалось хмурым, неприветливым... холодный серый песок, почти пустые лежаки, опущенные зонтики. Но я знал, что это временное явление, и не расстраивался. Пройдут какие-нибудь два часа, и здесь будет совсем иная обстановка — наполненная разноцветными красками, искрящимися от солнечных лучей волнами, бегущими по ним суденышками и парусниками, кишащими

туристами пляжами. Вчерашнее упадническое настроение улетучилось, осталось только чувство стыда перед нашей группой за поднятую панику, но ничего, пройдет и оно.

Я постоял с минуту у кромки воды, потом сделал вперед два больших шага и нырнул в море. С утра вода казалась прохладной, но я, разгоняя кровь, сильными взмахами рук погреб к ограждающей безопасную зону купания линии, очерченной разноцветными поплавками, нанизанными на веревку, и тело быстро адаптировалось в воде. В центре линии, очерчивающей акваторию, относящуюся к нашему отелю, стояла на приколе спасательная лодка. До нее я и доплыл. Подержавшись за край довольно крепкой посуды, немного передохнул и отправился в обратный путь. Выйдя на берег, повалился на лежаке, обсыхая. Народ потихоньку прибывал, становилось веселее. Близилось время завтрака. На второй заплыв я так и не решился, пусть воздух прогреется до так называемой комфортной температуры, занял место, оставив на лежаке полотенце и придавив его на всякий случай камешками, чтобы ветром не сдуло, и отправился в столовую.

Столовая, или, по местным меркам, ресторан, сверкала зеркалами, кафельной напольной плиткой и посудой. Большой зал с ровными рядами столов,

покрытых белоснежными скатертями, был занят лишь на четверть, остальные постояльцы отеля еще спали или уже купались, а возможно, уехали на экскурсии. Обслуживали отдыхающих на раздаче два одетых в белые халаты и колпаки жизнерадостных турка, которые играючи раздавали горячие блюда, холодные же закуски и напитки можно было брать каждому по потребности, как при коммунизме. Между столиками сновали улыбающиеся юноши в бело-коричневой униформе и с набриолиненными волосами.

Люблю, как говорится, плотно поесть. Я составил на поднос всевозможные салатки, бутерброды, канапе, напитки и только устроился за одним из пустых столов, как к нему подошла и поставила на него поднос невысокая шатенка лет двадцати пяти — двадцати семи с короткой стрижкой. У нее было вытянутое вперед лицо, на котором выделялись большие глаза навыкате и большой губастенький рот. «До каких же пределов у нее раскрывается рот, — хмыкнул я про себя, — если он в обычном состоянии, как сейчас, например, и так-то до ушей». Но вот нос у губастенькой девицы был неожиданно миниатюрным, превосходной формы, и маленькие розовые ушки. Никогда я не обращал особого внимания на женское ушки, но вот поди ж ты, засмотрелся. Значит, на самом деле великолепные,

если заставляют умиляться. На ней были синие потертые джинсы, желтая футболка и белые кроссовки.

— Разрешите? — спросила шатенка, хотя могла этого не говорить, потому что мое разрешение ей не требовалось, она уже составляла со своего подноса на столик тарелки с едой, а затем уселась по-хозяйски напротив меня.

— Смотрю, один сидишь, — проговорила она, с ходу переходя на «ты», и с аппетитом принялась за еду. Девица была сама непосредственность, явно не из столицы, потому что столичные шутки так бесцеремонно себя не ведут.

— Да, один, — признался я. — А что, спутника жизни себе ищешь? Если так, то я на роль супруга не гожусь. Я только переспать могу, а когда надоест, брошу.

Говорил я нарочито грубо, чтобы отбить у девицы охоту общаться со мной. Я, честно говоря, положил глаз на Алину, поэтому решил не тратить попусту силы на обольщение других женщин. Моя уловка удалась, девица надула свои и без того большущие губы.

— Очень ты мне нужен! — пробормотала она и, видимо от расстройства, что нарвалась на хама, стала реже работать ложкой. — Я не сплю с первыми попавшимися мне на пути мужиками.

— Ладно, не обижайся, — проговорил я

примирительно. — Шутки у меня дурацкие. Как тебя зовут?

— Маша я, Лебедева, — объявила девица и вновь заработала ложкой.

— А я — Игорь Гладышев... И откуда же такая лебедь белая в теплые края прилетела? — сделал я Маше, на мой взгляд, изысканный комплимент, который, надо сказать, ей понравился.

— Из Сибири я, — ответила девушка, обнажив в улыбке два ряда не очень ровных зубов.

Я тоже показал свои зубы.

— Ого! — удивился я. — Действительно, из холодных краев в теплые прилетела. Давно здесь?

— Со вчерашнего дня, — сообщила девица. — А ты?

— И я вчера прилетел, — ответил я и, опережая вопрос Марии, добавил: — Из Москвы.

— А что же у вас в столице стригут так плохо? — с пренебрежением спросила Маша, выпятив нижнюю губу и выражая таким образом пренебрежение к работе столичных мастеров, соорудивших мне прическу.

Гм. Действительно, прическа моя оставляла желать лучшего. Стригусь я в Москве неподалеку от дома, где парикмахерами работают гастарбайтеры, и стригут они порой так, как привыкли стричь у себя на родине овец и баранов — быстро и неровно.

— Так модно сейчас, — проговорил я. — Ноу-хау от моего личного стилиста.

— Да ладно тебе врать-то! — хихикнула девица. — Руки бы такому стилисту пообрубать. Если хочешь, я тебя качественно постригу и бесплатно. Я парикмахером работаю.

— Спасибо, Маша, как-нибудь в другой раз.

Я поел, но дожидаться, когда закончит завтрак девушка, не стал, иначе придется тащиться вместе с нею на пляж, куда она, судя по просвечивающему сквозь майку купальнику, уже собралась, а там попадусь на глаза Алине, и тогда путь к сердцу красавицы для меня будет закрыт. Я вытер салфеткой рот, бросил ее в тарелку и стал подниматься.

— Ладно, Маша, спасибо за компанию, приятно было познакомиться. Еще увидимся. — Махнул на прощание рукой и двинулся к выходу.

— Пока! — сказала мне вслед Лебедева.

Я вновь отправился на пляж. Когда подошел к своему лежаку, то первым делом увидел плывущих в сторону берега Алину и Надежду, вернее, увидел две головы, одну с темными, другую со светлыми волосами, и в солнцезащитных очках. Подплыв к берегу, обе красавицы, одна постарше, другая помоложе, вышли из моря, будто две Афродиты, и направились в мою сторону. Они шли по пляжу, словно поднимались к вершине Олимпа, гордо неся

свои головы, на которые Зевс должен был возложить короны с надписью «Красивейшие турецкого побережья». Но я не Зевс, корон у меня не было, и когда Алина и Надежда приблизились ко мне, я лишь восхищенно посмотрел на них и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — довольно приветливо отозвалась Милушева.

Ярилова же с холодным выражением лица чуть склонила в знак приветствия голову.

Глупый я мужик, напрасно думал, что женщины идут ко мне. Обе прошли мимо и остановились чуть дальше под зонтиком. Ярилова сразу легла на лежак, а Алина, заложив руки за голову, повернулась к солнцу, подставляя тело под его утренние ласковые лучи. Я никогда не заговариваю с женщинами первым — боюсь показаться навязчивым, а уж если заговорю, то только в том случае, ежели почувствую, что вызываю у особы женского пола интерес. Алина пока его не проявляла, она помалкивала, греясь на солнышке, молчал и я. Снял лишь шорты и рубашку и тоже стоя, заложив руки за голову, стал загорать.

— А что, Игорь, — с невероятно приятным тембром голоса заговорила вдруг Алина, — вчера вечером по поводу полицейского напрасный переполох поднялся?

«Интересно, — с усмешкой подумал я, — кто еще в этом отеле не знает о том, как Игорь Гладышев вчера облажался?» Но вслух я этого говорить не стал, зачем выставлять себя дураком, показывая, как мне неприятна эта тема. Я развернулся к девушке, опустил руки — негоже разговаривать с дамой, задрал верхние конечности, — и как можно небрежнее проговорил:

— Да, когда мы зашли вчера в номер Бурмистрова, он спал без задних ног. День вчера тяжелый был, умаялся бедолага.

Мы с майором — мужчины, мужскую солидарность надо проявлять, потому я и не стал позорить полицейского перед женщинами, говорить, что он напился.

— Действительно, еще этот ужасный случай вчера в Шереметьеве, — вздохнув, подхватила совсем не ту тему, какую бы я хотел, Милушева. — Так все это неприятно.

— Да уж, приятного мало, — согласился я, наклонился, достал из лежащей на лежаке пляжной сумки солнцезащитные очки и надел их. Так спокойно можно разглядывать девушку — глаз не видно. Возможно, и она пялилась на меня, не знаю — она тоже была в очках. — Ваша сестра? — меня не очень интересующую меня тему, спросил я и широко улыбнулся расположившейся на лежаке Яриловой.

Но вопрос был задан Алине, она на него и ответила:

— Тетя. Мы с ней вместе решили вот поехать в Турцию, покупаться, позагорать.

— Правильно решили — доступно, экономично, и не требуется сложных формальностей при выезде в страну, визы, например.

Фигурка у девушки была не идеальной, являлась бы таковой, наверняка была бы манекенщицей или фотомodelью мирового, ну, или хотя бы российского масштаба — талия высоковата, но это я уже привередничаю, а так пойдет. Худенькая, со стройными ногами, плечи чуть шире бедер, именно такие мне и нравятся, средних размеров грудь, длинная шея, красиво посаженная голова. Худенькие вообще кажутся беззащитными, поэтому я рядом с ними чувствую себя суперменом. Но у тетушки Алины фигура была безупречной. Несмотря на то что Ярилова намного старше своей племянницы, выглядела она накачанной, вся такая сильная, грациозная, с гордо посаженной головой, красивыми руками и плавными жестами. Она меня невольно заинтересовала. Вернее, род ее занятий, и я спросил:

— А кем работает ваша тетя?

— Я танцую, молодой человек, в

хореографическом коллективе, — насмешливо проговорила Ярилова, подняла вверх руки и повернула в сторону голову, будто лебедь из «Лебединого озера».

Хм, танцовщица, тогда понятно, откуда у нее такое красивое и сильное тело. Я сделал шутливый полупоклон:

— Спасибо за молодого человека, тетя! А вы кем работаете? — взглянул я на Алину.

— Учителем английского языка, — задорно ответила девушка и подставила солнцу правый бок.

Наступила пауза, меня про мой род занятий никто почему-то не спрашивал, и я решил сказать о нем сам:

— А я — тренер по вольной борьбе в детской юношеской спортивной школе.

— Вау! То-то, я смотрю, вы весь из мышц состоите, — сказала Алина с нотками уважения в голосе, а ее родственница, как мне показалось, заинтересованно взглянула на меня. — Люблю физически развитых людей. А вы почему один приехали на отдых?

Я посмотрел на пришедшего на пляж Люстрина, который остановился у одного из зонтиков со свободными лежаками и махнул мне рукой в знак приветствия. Я тоже махнул ему в ответ и повернулся к Алине:

— Не люблю шумные компании, мне

нравится одному отдыхать.

— А как же жена, дети? — задала коварный вопрос девушка, явно желая выяснить мое семейное положение.

Люстрин поднял сложенный каркас зонта с тентом, расстелил на лежаке полотенце, положил на него пляжную сумку, потом снял с себя шорты, майку, обувь и босиком направился к морю, виляя оттого, что не привык ходить по песку, задом, как оказалось довольно крупным для мужчины его комплекции.

— Холост я, вернее, разведен, — не стал я лукавить.

— Понятно, — действительно ли удовлетворенно или мне так просто почудилось, сказала Алина, и задала мне следующий вопрос: — Ну, и как вам здесь?

Тело ее почти высохло, вода осталась лишь в ямочках у ключицы и, когда девушка опустила руки, несколько капелек сбежали из них и скатились по шелковистой коже в ложбинку между грудей, обтянутых верхней частью крохотного бикини сиреневого цвета. Я невольно сглотнул — хотелось бы мне провести языком по этой великолепной коже, слизнуть капельку морской воды, несмотря на то, что она была горько-соленой.

— Отлично, — признался я. — Меня все устраивает.

Свободных мест на пляже становилось все меньше и меньше, а народ все прибывал и прибывал. Кое-кого из отдыхающих я уже знал. Из столовой, размахивая сумкой, к морю шла большеротая девица, она как-то неласково посмотрела в мою сторону, но не подошла, очевидно, из-за того, что я находился в компании с Алиной, продефилировала мимо и устроилась на лежаке, в стороне от меня. Невдалеке справа, ближе к ограждающему территорию забору, который уходил прямо в море, я заметил «селадона» Николая Гуляева, а почти у самой кромки воды внизу — врача Галину Студенцову. Она явно уже давно была здесь, но я только сейчас обратил на нее внимание. А вот к женщинам направился Валерий Замшелов собственной персоной, в своей летней сетчатой шляпе и прикольном пляжном костюме, состоящем из шорт и рубашки пижамной розоватой расцветки. Действительно, «ба, знакомые все лица!», Михаила Бурмистрова только не хватает. Но не все друг другу были рады. Алина, заметив Замшелова, как-то скисла, и я понял — общество бородатого не очень-то нравилось ни ей, ни ее тете. Но тому все нипочем, шел и улыбался расположившейся на лежаке Надежде, которая пока его не замечала, и Алине!

Терпеть не могу прилипал. У них нет ни гордости, ни чувства собственного достоинства. Их

сначала вежливо отшивают, но они бывают настойчивы и продолжают липнуть, тогда от них уже пытаются отделаться явно и открыто, но они не отстают, в таких случаях приходится их откровенно посылать подальше или... сдаться на их милость. Ну а если все же удастся отшить, прилипала не отчаивается, находит себе новый объект для обожания. Я тоже люблю женщин, но, если мне дадут понять, что я неприятен, настырничать не буду, потому что для моего самолюбия это чувствительный удар, я сразу отступлю. Замшелов как раз к категории прилипал и принадлежал.

Общество его мне, естественно, не нравилось, но я в отличие от женщин мог повернуться и уйти, они же вынуждены были терпеть его присутствие. Я решил воспользоваться своим правом покинуть компанию и сказал, обращаясь к Алине и Надежде:

— Пойду искупаюсь.

Воздух уже прогрелся, нагрелось и тело, отчего и вода стала казаться не такой холодной, как ранним утром. Очки я не снимал, солнце уже светило ярко, отчего на море в плескавшихся от поднявшегося ветерка волнах блестели, сверкали и искрились мириады бликов, и без очков глазам было больно. Я отплыл на приличное расстояние от берега и развернулся к нему лицом. Вау, как говорит Алина, физиономия у меня сама собой расплылась от удовольствия. Какая замечательная

картинка — золотистая от песка береговая линия, пестрый от купальных костюмов пляж, разноцветные, непохожие один на другой отели, за ними горы. Ну чем не райский отдых? И чего все наши соотечественники Турцию ругают? Не Мальдивы, конечно, но и мы не Волочковы. Когда я подплывал к берегу, уже издали заметил, что в компании Надежды, Алины и Замшелова появился еще один персонаж — Адам Демир. Он явно любезничал с Милушевой, и та, судя по улыбке, отвечала ему взаимностью.

«Да, Игорек, упустишь ты так девицу, — сказал я сам себе с усмешкой, — останешься на бобах. Ну, и черт с ним, не стану же я соперничать с каким-то турецким трансвестит... нет, трансферменом-пацаном». Значит, Алине мужчины иного типа нравятся, и я не принадлежу к их категории. Шутки шутками, но настроение у меня испортилось. К своему лежаку я не пошел, чтобы не мешать компании беседовать, остался на кромке берега загорать. Тем более что здесь было на что посмотреть — неподалеку две девицы загорали топлес. Одна ничего так, с красивой грудью, похожей на два песочных холмика, наметенных в пустыне шаловливым ветром, а у второй полноватой и без талии, не грудь, а два блина, растекшихся по сковороде. От созерцания девиц меня отвлек раздавшийся за моей спиной голос.

От этого занятия меня отвлек раздавшийся за моей спиной голос:

— Привет, Игорь!

Я оглянулся. Сзади стоял Бурмистров. После вчерашнего возлияния он выглядел неважно. И без того отечное лицо оплыло и, казалось, готово было сползти с черепа, будто оплывший воск со свечи. Пористая кожа на лысине и физиономии нездорового малинового оттенка, глаза заspanные, с трудом открывающиеся, умный еще вчера днем взгляд померк, став тяжелым и тоскливым. Да, хорошо вчера погулял господин полицейский, от него явственно потягивало перегаром и «свежачком» — очевидно, с утра Бурмистров успел похмелиться. Он был в одних плавках, готовый окунуться в море, чтобы взбодриться.

— Доброе утро, товарищ майор! — ответил я и сделал шаг чуть в сторону, чтобы солнце не светило в глаза.

— Я не на службе, — буркнул полицейский, — а в отпуске, на отдыхе, так что зови меня Михаилом, и можно на «ты».

— Да без вопросов! — проговорил я неуверенно и пожал плечами — я не знал, чего хочет от меня полицейский и как мне себя с ним вести.

Бурмистров между тем продолжил:

— Говорят, вчера ты и белокрысый мужик

подняли шумиху по поводу того, что я не присутствовал на собрании, а потом все завалились ко мне в номер. Сам-то я этот момент не помню, был не в форме. — Майор говорил уверенным, покровительственным тоном, каким, очевидно, привык разговаривать с криминальными элементами у себя в полиции на допросах. — Не в полицейской, конечно, форме, — уточнил он, усмехнувшись.

— А кто говорит-то? — проявил я любопытство.

— Да вон тот бородатый. — Михаил указал большим пальцем за плечо, туда, где любезничал с Надеждой Замшелов. — Все уши сейчас мне прожужжал, рассказывая при дамах, как ты притащил в номер мужиков полюбоваться на в дупель пьяного майора полиции.

Кто же знал, что бородатый таким сплетником окажется и будет трепать о вчерашнем, в общем-то, незначительном происшествии — подумаешь, мужик напился — на каждом углу, да еще и при женщинах. Но я сделал вид, будто не понимаю, что Бурмистров предъявляет мне претензии по поводу поднятого вчера переполоха, и перевел стрелки на Замшелова — пусть полицейский на этого типа собаку спустит:

— Непорядочно поступает бородатый. На твоём месте я бы ему за такие речи морду набил бы

— заявил я как бы вскользь.

Но майор, как оказалось, и не думал мне ничего предъявлять. Он вдруг улыбнулся и добродушным тоном произнес:

— Вообще-то, Игорь, спасибо тебе за то, что побеспокоился о соотечественнике, не поленился прийти посмотреть, все ли со мной в порядке. Сейчас большая редкость, когда ближнему ближний на помощь приходит. Поверь мне, я по своему роду деятельности с темной стороной человеческой души имею дело, так что знаю. — Он протянул мне руку и с чувством крепко пожал. А уже собираясь уходить, добавил: — Ты не думай, я не алкаш, но иной раз выпить крепко люблю. Вчера вот расслабился после дороги, да без надзора супруги. — Бурмистров легонько похлопал меня по плечу и пошел к воде. Через несколько мгновений его коренастая фигура погрузилась в море.

Я постоял еще немного, наблюдая, как лысоватая голова майора, блестя в лучах солнца, удаляется все дальше и дальше от берега, затем повернулся и направился в ту сторону, где на двух лежаках, друг напротив друга, сидели две парочки: на одном — Замшелов и Ярилова, на другом — Милушева и Демир. Ну что же, все в порядке вещей, курортный роман затевается, жаль только, я к нему никакого отношения не имею. Солнце уже припекало, можно было обгореть, поэтому я

раскрыл пляжный зонтик, сдвинул лежак в тень и лег на него. Закрыв глаза, прислушался к происходившему неподалеку разговору.

— Я думала, ты не турок, — говорила Алина, и по ее тону нельзя было понять, разочарована она данным обстоятельством или нет.

— Что ты, я чистокровный турок, — с гордостью за свою национальную принадлежность к этому народу отвечал Адам. — А то, что не очень-то на него похож, — парень рассмеялся, — так, возможно, в моей крови течет и славянская кровь. Ведь раньше во времена набегов турки пригоняли из Украины и России себе наложниц. Может быть, была такая наложница и у моего далекого предка.

— А откуда ты так хорошо знаешь русский язык? — поинтересовалась танцовщица тоном избалованной барышни.

— Так я в России учился, — жизнерадостным тоном сообщил Адам, видать, сегодня он был в ударе, говорил с подъемом, весело, — потому так хорошо и болтаю по-русски. Вот меня и взяли на работу гидом.

— Я много где отдыхала: в Испании, Италии, в Греции, Бали, но в Турции впервые, — призналась Алина. — В моем представлении в мусульманской стране должны быть более суровые нравы, а здесь довольно-таки свободные. Молодежь

современная, рядится чуть ли не под панков. Вчера вечером мы с Надеждой гуляли и видели шоу трансвеститов. Разве подобное приветствуется у мусульман?

— Не надо верить тому, что иной раз видишь, Алиночка, — вновь звонко рассмеялся Адам. — Это все антураж для привлечения туристов. Как говорил бравший налоги с общественных туалетов римский император Веспасиан, «деньги не пахнут», поэтому как они добываются, никого не интересует, главное, что вы, туристы, привозите к нам в страну деньги, и мы всеми силами, правдами и неправдами, заставляем вас их здесь оставить. А эта современная молодежь, как вы изволили выразиться, на самом деле самая обычная. Это здесь они с «наставленными» чубчиками, намазанными гелем или залитыми лаком, в наколках и ярких одеждах, проходу не дают приезжим девушкам, но если в таком виде кто-нибудь из них заявится домой, его родители просто на порог не пустят. Закончится курортный сезон, они смоят наколки, вымоют головы, переоденутся в обычную одежду и отправятся в глубь страны в сельскую местность, где вернутся к своим обычным делам сельского жителя. Будут пахать, сеять, строить и до следующего сезона украдкой поглядывать на недоступных девушек-турчанок, вспоминая о своих летних

курортных романах. Потому что, если они станут непристойно вести себя по отношению к своим соотечественницам или сельчанкам, их отцы живо открутят им уши.

— Тяжелая у вас тут жизнь, — насмешливо проговорил Замшелов.

— Какая бы она ни была, она наша, — философски заметил Адам и, судя по скрипнувшему пластиковому лежаку, поднялся. — Ладно, спасибо за беседу, мне нужно идти, в час дня я туристов повезу на экскурсию в дельфинарий. Так что до вечера, — многообещающе проговорил парень и ушел.

Я машинально глянул на часы — было двенадцать сорок пять. А несколько минут спустя компания из двух красивых женщин и бородатого квадратного мужика решила идти купаться. Снова скрипнули лежаки, троица поднялась и двинулась мимо меня. Я сделал вид, будто сплю. Неожиданно раздался хорошо знакомый мне мелодичный голосок:

— Игорь, пойдём с нами купаться!

«Ага, — подумал я невесело, — вспомнила! Не привыкла наша красавица без мужского внимания обходиться. Молодой турецкий полубог ушел, теперь и Игорек на что-нибудь сгодится». Я открыл глаза — передо мной в лучах солнца, будто богиня в окружающем ее ореоле, стояла Алина. Как

ни велико было мое желание отправиться вместе с нею поплавать, я пересилил себя — не нужны мне объедки с барского стола, в данном случае от Адама Демира, — и отрицательно покачал головой:

— Спасибо, Алина, я позже пойду купаться.

Обиженно поджав губы, девушка повернулась и медленно пошла к морю.

Я полежал еще немного, чувствуя, как тело нагревается все больше и больше. При такой жаре необязательно торчать на солнце, чтобы загореть. Для того чтобы прихватил загар, достаточно походить туда и обратно к морю, искупаться и полежать под зонтиком. Если дело так и дальше пойдет, то вечером буду мучиться от солнечного ожога.

Я встал и начал одеваться. Мимходом глянул на море. Невдалеке от берега плыли Алина, Надежда и Валерий. Мирно покачивалась на поднятых гидроциклом волнах спасательная лодка. Неожиданно гидроцикл сделал резкий разворот, гася скорость, и к нему на заднее сиденье забрался какой-то парень. Его фигура показалась мне смутно знакомой, хотя многие парни в плавках издалика похожи друг на друга, да и кого я могу здесь знать? Я не придал этому обстоятельству значения, тем более что гидроцикл умчался куда-то влево, а я, закончив одеваться, отправился в магазин, располагавшийся рядом с отелем, за средством от

загара.

Магазин был просторным, прохладным, малолюдным, забитым всякой всячиной, начиная от зубной щетки, зубной пасты, мыла и кончая надувными лодками. Походив по магазину, я выбрал средство от загара с самой большой степенью защиты и крем после загара. Расплатившись с пожилой турчанкой на кассе, вновь вышел под жаркое солнце и глянул на часы — тринадцать пятнадцать. Можно еще разок искупаться и идти на обед. Опустив на глаза солнцезащитные очки, двинулся к пляжу.

Еще издали я заметил, что там происходит нечто необычное — к центру береговой линии, принадлежащей отелю, ограниченной с двух сторон забором, стягивался народ. Предчувствуя недоброе, я рванул к тому месту, где образовывалась толпа. Подбежал к стоящим плотной стеной людям и протиснулся сквозь них как раз в тот момент, когда несколько человек, в числе которых я заметил Валерия Замшелова, буксировали по воде к берегу чье-то тело. Выйдя на отмель, они, бестолково толкаясь, подхватили неизвестного, поддерживая голову над водой, потом взяли на руки и, почти бегом вытащив его на берег, уложили на влажный песок. Теперь я увидел, что из воды вытащили Леонида Люстрина. Он лежал безвольно, будто снятый с креста древний римлянин, склонив голову

к плечу. Рот был приоткрыт, из него высовывался распухший язык. Глаза закрыты, цвет кожи синий, как у сильно продрогшего человека.

Из толпы выскочила врач Галина Студенцова, упала перед Люстриным на колени, быстрыми профессиональными движениями прощупала пульс на сонной артерии и, очевидно, убедившись, что его нет, приступила к непрямому массажу сердца. Сложив крест-накрест ладони на левой стороне груди Леонида, она сильными ритмичными движениями стала продавливать грудную клетку, пытаясь завести «мотор» Люстрина. Действовала Студенцова уверенно и даже грубо, но, когда речь идет о жизни и смерти человека, не до деликатничаний. Время от времени она прекращала проводить массаж и, приложившись к открытому рту Люстрина, делала ему искусственное дыхание, сильно и резко вдыхая в его легкие воздух. Затем вновь принималась за стимуляцию работы сердца.

Рядом стоял майор Бурмистров и оттеснял толпу. «Дежавю! — пронеслось у меня в голове. — История повторяется, происходит все то же самое, что и аэропорту Шереметьево, только лишь с той разницей, что тело лежит не на полу, а на песке, и принадлежит оно не женщине, а мужчине, и окружающие его люди не в повседневной одежде, а в плавках и купальниках. Люди все те же: и врач Галина Студенцова, и полицейский Михаил

Бурмистров, и Надежда Ярилова вон стоит, неподалеку худой и длинный «саладон» Гуляев, Валерий Замшелов тут. Все в точности повторялось, за исключением оговоренных мною деталей. И даже точно так же, как и в предыдущий раз, за моей спиной раздался мелодичный голос:

— Это какой-то ужас!

Я оглянулся — за моей спиной стояла Алина Милушева.

Поддакивать я не стал, и так понятно, действительно кошмар какой-то.

Наконец Галина Студенцова, отчаявшись заставить работать сердце риелтора, бросила проводить реанимацию, встала и развела руками:

— К сожалению, ничем не могу помочь.

Ну, все как в прошлый раз! Даже не знаешь, что сказать! Второй труп подряд. Толпа разом загудела, причем на разных языках, в отеле отдыхали и русские, и украинцы, и немцы, и турки. Но все предлагали вызвать полицию.

— Отправились уже вызвать! — сказал кто-то по-русски.

Тело оттащили в тенек под зонтик, положили на лежак, кто-то принес одежду Люстрина, и ею прикрыли утонувшего риелтора.

— Что здесь произошло? — спросил я у все еще стоявшей рядом со мной Алины.

— Да я толком ничего не видела, —

призналась Милушева и на несколько мгновений замолчала, пытаясь справиться с собой. Ее душили слезы, глаза наполнились влагой, готовой вот-вот пролиться из них и сбежать по щекам с бархатистой кожей. — Мы пошли поплавать, общество Валерия стало мне порядком надоедать. Да и Надежде тоже, — сделала неожиданное признание Алина. — Я поплавала немного и вышла на берег, а потом отправилась на свой лежак и устроилась под зонтиком. Надя и Валера оставались в море. А вскоре раздались крики, и я подскочила. К берегу стал сбегаться народ. Валерий плыл, что-то кричал и при этом буксировал нечто тяжелое. К нему на подмогу бросились несколько человек. С их помощью он вытащил на берег, как оказалось, утонувшего Люстрина. Вот и все, что мне удалось увидеть, — закончила свой печальный рассказ Алина, и из ее прекрасных глаз все же выкатились слезинки и сбежали по щекам.

— Понятно, — мрачно проговорил я.

— Мне так страшно, — произнесла девушка, закрывая ладонями лицо.

— Ничего, все образуется, — как умел, попытался я успокоить ее.

— Очень хочется на это надеяться, — пробормотала Алина, размазывая по щекам слезы.

— Ладно, пойдем отсюда, — предложил я, подталкивая девушку в сторону зонтиков. —

Нечего возле трупа стоять.

Она покорно двинулась в указанном мною направлении. Уныло потянулись к своим лежачкам и остальные отдыхающие. Не так давно оживленный пляж притих, стал пустеть, многие отправились в свои номера. Загорать неподалеку от лежащего трупа желания не было. Загорать топлес на пляже, где отдыхают люди разных конфессий, родители с маленькими детьми и так-то неприлично, (но это дело воспитания каждого), а при покойнике тем более, поэтому те две девицы, загоравшие без верхней части бикини, надели их. Над пляжем установилась гнетущая тишина, и даже море, казалось, перестало весело плескаться и омывать волнами пустынный берег.

Вернулась Надежда. Она села на свой лежак, а Замшелов, притащившийся за нею, отправился к зонтику неподалеку и расположился там. Видимо, ему необходимо было побыть немного в одиночестве, чтобы отойти от стресса, вызванного смертью Люстрина, чей труп ему пришлось вытаскивать из воды.

Полчаса спустя приехали двое турецких полицейских: молодые мужчина и женщина в форме — в бейсболках, темных штанах и голубых рубашках с темными погонами, а также подкатила прямо к пляжу карета «Скорой помощи». Из нее выбрались двое медработников в белых халатах,

тоже мужчина и женщина. Процедуры осмотра места происшествия, освидетельствования медработниками факта смерти, опрос свидетелей наверняка одинаковы во всем мире. Не отличались и турецкие процедуры, проводимые правоохрнительными органами и медиками на месте происшествия. Медработники осмотрели труп, сделали какие-то записи, затем переложили мертвого Люстрина на носилки и с помощью двух парней-добровольцев из числа отдыхающих в отеле отнесли в «Скорую помощь». Автомобиль тут же уехал, а полицейские начали опрос свидетелей, в которые попал Валерий Замшелов как человек, нашедший утопленника.

Поскольку полицейские говорили только на английском и турецком, которого никто из нас не знал, а общаться с ними было необходимо, в качестве переводчицы с русского на английский и обратно выступила Алина Милушева. Из меня же свидетель был никакой, потому что я ничего не видел — ходил в момент обнаружения утонувшего в магазин за защитным кремом, которым, кстати говоря, так и не успел воспользоваться. Поскольку к моей персоне никто интереса не проявлял, я отправился в свой номер, так как близилось время обеда.

Убийство или несчастный случай?

В номере, смыв с себя под душем морскую соль, я переоделся и спустился в столовую. Не стоит, наверное, говорить о том, что настроение было паршивым. Хоть Люстрин и не мой друг, а только случайный знакомый, мужика, разумеется, жалко, ибо чувство жалости заложено в каждом из нас природой, но вот только суждено ему развиваться или оно так и зачахнет в зародыше, зависит от воспитания человека, от той обстановки, в которой он живет. И не у всех она способствует формированию чувства сострадания к ближнему, иначе не было бы у нас жестоких людей, садистов, маньяков, убивающих людей и испытывающих наслаждение, причиняя ближнему боль... Да, что-то занесло меня в моих размышлениях куда-то не туда. А все смерть Леонида Люстрина так действует, навеивает невеселые мысли.

Взяв себе первое и второе блюда, я устроился за свободным столиком. А через минуту напротив меня села с подносом большеротенькая.

— Привет, Игорь, — проговорила она, по-хозяйски расставляя на столе тарелки с супом-пюре, салатиками, жареной рыбой с картошкой фри.

— Привет! — ответил я, вяло перемалывая челюстями салат из капусты.

— Вот это да! — возбужденно заговорила Маша Лебедева, устраиваясь за столом, и сунула в руки поднос тотчас подошедшему пареньку, выполняющему в столовой роль то ли официанта, то ли уборщика посуды. — Как он умудрился захлебнуться?

Я пожал плечами и ответил:

— Всякое может быть...

— Вот и я удивляюсь, — подхватила Маша, тараща свои большие глаза навывкате, зачерпнула ложкой суп-пюре и отправила в рот. Попробовав, закатила глаза и почмокала губами, словно таким способом можно лучше определить вкусовые качества супчика. Пюре ей понравилось, и она отправила в рот следующую ложку. — Как он мог утонуть, когда вокруг столько людей, да еще на мелководье? Пьяный, что ли, был?

После того как я бываю на похоронах или вижу покойника, я почему-то потом не могу есть мясо. Поэтому отодвинул гуляш и наколол на вилку яйцо под майонезом.

— Нет, он не пил, — произнес я неохотно, не было у меня никакого желания обсуждать с девицей тему гибели Люстрина.

В отличие от меня у Маши был завидный аппетит. Она быстро покончила с супчиком и придвинула к себе тарелку с рыбой и картошкой фри.

— Тогда я не понимаю, как можно утонуть среди бела дня и абсолютно трезвым.

— И понимать не надо, — ответил я спокойно и сделал глоток апельсинового сока, прихваченного вместе с обедом. — Пусть выясняет обстоятельства, при которых он утонул, турецкая полиция.

— Действительно, — проговорила Лебедева и закатила глаза, выражая сожаление. — Только жаль мужика, не старый еще дядька был.

— Это точно, — согласился я и взглянул на появившуюся в столовой Алину в красном сарафане в компании со своей тетушкой.

Милушева стрельнула в мою сторону глазами, однако никоим образом не показала, что заметила мою персону, и продефилировала вместе с Яриловой к месту раздачи пищи. Ну и черт с тобой, не хочешь замечать, и не надо, будем интерес подогревать иным способом — я широко улыбнулся девице напротив меня и преувеличенно оживленно произнес:

— Ладно, Маша, давай поговорим о чем-нибудь веселом.

— Не знаю, весело это или нет, — ухмыльнулась девица, — но меня интересуется, что ты делаешь сегодня вечером?

— Хм! Хороший вопрос, — делано рассмеялся я и покосился в сторону Алины: смотрит. — Пока не знаю.